

О МОДАЛЬНОСТИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ СВЕРХФРАЗОВЫХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА)

В.Н. Мушаев

Признавая важность существующих способов и средств связи, которые характеризуют текст, прежде всего, со стороны структуры, ученые предлагают искать и семантические сущностные характеристики текста, которые исходили бы из языка, и в то же время конституировали бы речь как самостоятельный объект лингвистики. К таким характеристикам текста может быть отнесена категория субъективной модальности [1].

Подобная мысль в языкознании ранее высказывалась учеными. Ю.С. Степанов отмечал, что язык создан по мерке человека и этот масштаб запечатлен в самой организации языка и в соответствии с ним язык и должен изучаться. В свое время об антропоцентрическом устройстве языка и о проблеме "человек в языке" говорили Е. Курилович [2] и Э. Бенвенист [3]. Безусловно, язык как система знаков обращен к миру вещей и понятий, тогда как речь всегда лична, персонализирована и эгоцентрична. Антропоцентричность является важнейшим и фундаментальным свойством речи, возможности которой заложены в языке.

Антропоцентричность характеризует не язык а, прежде всего речь. Только в речевом акте происходит "субъективизация" языка, превращение его в речь. Суть процесса -предметная информация - соединяется с производителем речи (субъектом) и объективная по природе информация приобретает субъективную (речевую) форму. Субъективно-модальное значение высказывания является грамматической формой выражения в речи антропоцентричности. К таким субъективно-модальным значениям относятся: интонация, словопорядок, специальные конструкции, повторы, частицы, междометия, вводные слова и вводные сочетания слов, вводные предложения и местоимение "я" [1, 4].

Если мы признаем, что понятие модальности - не обязательно какая-то конструкция, а это особая составляющая синтаксического значения, связанная с принадлежностью высказывания говорящему, то каждое предложение имеет не только денотативный план, выраженный структурной схемой предложения, но и субъективно-модальный план, отражающий отношение говорящего к обозначаемой ситуации. Например, в калмыцком предложении *Көвүн бичжэнэ* (Мальчик пишет) денотативный план, отражающий ситуацию: субъект *көвүн* "мальчик" выполняет действие *бичжэнэ* "пишет"; субъективно-модальный план предложения: "говорящий

описывает данную ситуацию со стороны". Если говорящий называет действие, которое совершает сам, то это не описание со стороны, а воспроизведение в момент речи, тогда субъект действия и субъект речи совпадают, например: *Бичжэнав* (Я пишу).

Можно рассмотреть более сложную ситуацию, в которой субъект действия устранен из конструкции: *Зура кюцалгнд арh-чидлэн өгх кергтэ* (Для выполнения плана надо приложить все усилия). Предложение, обозначающее необходимость, направлено, во-первых, к действию (его необходимость утверждается модальным словом *кергтэ* "надо"); во-вторых, к адресату (к какому-либо лицу, либо к обобщенному лицу, к группе лиц); в-третьих, предполагает говорящего -производителя речи (от него исходит призыв, специфика которого в обобщенности и неопределенности). В данном предложении возможна подстановка субъекта действия: (*чамд* "тебе"/ *нанд* "мне"/ *таднд цугтадтн* "вам всем") *зура кюцалгнд арh-чидлэн өгх кергтэ*. Соотношение мыслимого субъекта действия и предполагаемого производителя речи является источником субъективно-модального значения призыва, побуждения, волеизъявления, долженствования и т.д.

Итак, текст, кроме смысловой и структурной связи высказывания, объединяется и с помощью соответствия субъективно-модальных значений отношения к предмету речи. Субъективная модальность относится к лингвистическому качеству текста и является специфической речевой формой высказывания, его синтаксической семантикой. Изменения субъективной модальности знаменуют и оформляют переходы единой линии повествования. Текст имеет внешнемодальные средства и значения, которые намечают общий характер модальности текста и внутри-модальные средства, развивающие и конкретизирующие общую модальность текста. В речи происходит постоянное и тесное взаимодействие языковых и речевых средств субъективной модальности, которое и создает общую субъективно-модальную окраску текста. Личные местоимения, как основные внешнемодальные средства выражения субъективной модальности, лежат в основе разграничения типов речи. Собственно лингвистические характеристики речи дифференцируют типы и виды текстов, которые в свою очередь воплощают особенности функциональных стилей и жанров.

Под модальностью текста, кроме приведенных выше положений, понимаются и представления о наличии и особенностях объективных связей между предметами и их признаками; степени уверенности/неуверенности наших суждений об этих объектах; их желательности/нежелательности; возможности/невозможности; допустимости/недопустимости; obligatorности/неobligatorности,

а также их ценностные характеристики. Взаимодействие этих видов модальности и создает общетекстовую модальность, в рамках которой происходит восприятие смысла текста.

Текст как сверхфразовое синтаксическое целое объединен тематическим единством и опирается на типы речи, которые являются структурно-типизированными комплексами данного уровня и имеют свои языковые характеристики. Из существующих функционально-смысловых типов речи наибольшим разнообразием в выражении модальности отличается повествование. Именно к данному типу речи мы обращаемся в своей статье.

Функционально-смысловой тип речи - повествование - выражает сообщение о последовательно развивающихся действиях и имеет свои специфические языковые средства реализации данной функции. На уровне текста это обычно рассказ, изложение о действиях, поступках, событиях, которые последовательно сменяют друг друга, развиваются, достигают кульминационного момента и развязки [5].

Динамичность достигается, прежде всего, использованием семантики глагола, сменой видовых и временных показателей, порядка слов и модальными характеристиками.

Отмечается, что повествовательная речь обладает разнообразными языковыми средствами передачи всевозможных оценок, отношения действия к действительности, отношение говорящего к высказываемой мысли. Эти значения модальности выражаются, прежде всего, формами изъявительного наклонения и различными оттенками, передаваемыми с помощью интонации модальных частиц, формами косвенных наклонений, использованием предикативных слов не только с модальностью желания, но и с предписывающей модальностью возможности, необходимости и долженствования, т.е. "модальность в повествовании может иметь и реальное и нереальное значения" [6].

Отличительной особенностью повествования является динамичность речи, которая заведомо предполагает наличие субъективной модальности в виде эмоционально-экспрессивных оценок содержания высказывания в целом или отдельных его частей. Например:

«Гев-генткн юмн сард гив. Түүнлэ нег хамхул дорас туула босад харсиг залу үзсн уга. Ундж йовсн мөрнө тер туулаһас ургхлэрн, будрв. "Шулм мөр тушдэ йовна", - гидж санчкад, өмнэн хэлэхэсн эвд-жэркэд, ардан эргэд хэлмлһнлэнь — мөрнэнь сүүлднэ нег савһр хар юмн чиргдэж йовна... Залуһин махмуднэ ирвэтрэд оде.

- Я, дэрг! Энчн юн билэ?! -гигж: чочн чашкурдж хээкрчкэд, һарад зулв.

Мөрн довтлад йовна, зуһар савһр хар арднь чиргдэ... Тер савһр хар мөрнэ сүүлэс чиргдэж: йовад, сун ишклэд цокхларн мөринь һазр цумлад орулчкв, бийинь тедүкнд шивэд оркв. Түүнэсн залу йовһар һарад зулв...

Залуг савһр хар "кеегэд юмнд күргл уга күцэд, өндр хар күн болж хөврэд, залула ноолдв. Ик удан ноолдад, орэн омн өндр хариг авад цокн", бийнь һазр элкдэж киисэд, шарлэсна йозур атхад хуурв. "Өндр харнь" уга болж: одв» [7].

«Совершенно неожиданно раздался шорох. Мужчина не заметил, что (с шорохом) из-под перекасти-поле выскочил заяц. Лошадь, на которой он ехал верхом, шарахнувшись в сторону от этого зайца, споткнулась.

Подумав: "Нечистая сила путает ноги лошади", не осмелившись посмотреть вперед, мужчина оглянулся назад - за хвостом лошади тащилось что-то черное, взьерошенное... Мужчину начало (со страху) трясти.

- О, боже! Что это?! С испугу, резко вскрикнув, мужчина обратился в бегство. Лошадь галопом скачет, только черное взьерошенное продолжает тащиться сзади... Это взьерошенное черное, продолжая тащиться за хвостом лошади, мгновенно присев, упираясь (о землю), ударом загнало лошадь в землю, его самого откинуло поодаль. Отсюда мужчина кинулся бежать пешком...

Взьерошенное черное "погнавшись за мужчиной, догнав его очень быстро, превратившись в большого черного человека, стало бороться с ним. Очень долго сражаясь, и перед рассветом одолев высокое черное", мужчина упал ничком на землю, оказавшись в руках с корнем бурьяна. "Высокое черное" исчезло». (Пер. авт.).

Реальная модальность выражена изъявительными формами глагола: *бүдрв* (споткнулся), *ноолдв* (стал бороться), *довтлад йовна* (скачет), *тушж йовна* (путает ноги), *уга болдж; одв* (исчезло). Звукоподражание *сард гив* (еле уловимый, мгновенный шорох) в начале данного художественного текста используется как маркер реальной модальности.

Среди средств реальной модальности можно назвать изобразительные слова и сочетания, усиливающие реальные черты происходящего: *гее* (совершенно), *сун* (мгновенно присев, коснувшись), *чашкурдж* (резко, звонко вскрикну), в значении признака, усиливающего действие *хээкрчкэд* (закричав), близкого к нему по семантике фразеологический оборот *юмнд күргл уга* (очень быстро) (не дав достигнуть чего-либо).

Сочетание *халэхэсн эвджэркэд* (не осмелившись, не сумев посмотреть) выражает значение невозможности - ирреальной модальности. С помощью противительного союза *зугар* "но, только" выражается значение противоположности двух быстро развивающихся действий.

Субъективная модальность в данном тексте представлена, прежде всего, в виде эмоционально-экспрессивных лексических, синтаксических, фонетических и грамматических средств. К ним относятся слова, обозначающие действие, но имплицитно содержащие в своем лексическом значении огромный экспрессивный заряд: *ирвэтрэд оде* (затрясло, зазнобило), *һарад зулв* (обратился в бегство), *цумлад орулчкв* (вогнал в землю), *шивэд оркв* (откинуло), *һазр элkdж киисэд* (упав ничком на землю).

Грамматические формы, употребленные в тексте, также направлены на "подкрепление" общего эмоционального фона: *чиргдэж йовна, чашкурдэж хээкрчкэд, тушдэж йовна, уга болэж оде, элkdж киисэд*. В отношении значений подобных глагольных форм монголоведы отмечают, что соединительные деепричастия в сочетании со служебным (вспомогательным) глаголом образуют аналитическую конструкцию, в которой деепричастная основа выражает идею действия, а аффиксы деепричастия и основа служебного глагола выражают видовой и модальный оттенки [4, 8]. Другие сложные глагольные формы типа: *ишклэд цокхларн, эргэд хелэлһнлэнь* передают значение мгновенности действия. Мгновенность и неожиданность действия также передаются слитными деепричастиями с аффиксом *-н* в сочетаниях: *сун ишклэд, авад цокн, чочн чашкурдэж*.

Эмоциональному накалу повествования в определенной степени способствует и фонетическое оформление отдельных слов, ассоциативно связанных со значением действия. Например: в словосочетаниях: *шивэд оркв, цумлад орулчкв, элkdж киисэд* в выделенных сильных позициях слов шипящие и аффикаты способствуют значению быстрого действия, связанного с "падением". Топот, борьба и круговерть в повествовании передается и соответствующим интонационным оформлением, с помощью логического ударения на выделяемое по смыслу слово: *сард гив, үргхларн бүдрв, ирвэтрэд оде, хээкрчкэд һарад зулв, арднь чиргдэ, һазр цумлад орулчкв, атхад хуурв*. От слаженности, правильности и быстроты действия зависит исход ситуации, поэтому в калмыцком предложении интонационного и смыслового выделения требуют слова, входящие в состав сказуемого или стоящие перед ним. В целом повествовательный текст формируется высоким темпом произнесения.

Если говорить об особенностях языковой организации текста, с помощью которых формируется тип речи или речевой регистр, то данный образец текста

может быть отнесен к изобразительно-повествовательному коммуникативному типу. С точки зрения субъективно-модальных значений отношения к предмету речи следует отметить, что художественная речь при всей ее эмоциональности максимально объективирована. Объективированность заключается в том, что субъект речи, абстрагируясь от реального производителя речи, приобретает самостоятельное значение условного производителя речи - рассказчика, становится условной маской, "образом автора". Однако полного разрыва связи между производителем и субъектом речи не происходит. В данном тексте голос автора проявляется с самого начала в отступлениях: *Түүнлэ нее хамхул дорас туула босад харсиг залу үзсн уга* (Мужчина не заметил, что (с шорохом) из-под перекасти-поле выскочил заяц). Это было причиной и началом последовавших за ним всех видов действий. В конце текста поведение *савһр хар* (черного взъерошенного) и борьба с ним автором взяты в кавычки, в конце концов *савһр хар* "черное взъерошенное" превращается в *өндр хар* "черное высокое", и последнее определение нечистой силы также взято автором в кавычки, т.е. в подобных образцах повествования субъективное внешнемодальное значение передается опосредованно.

Итак, повествование, являясь свойством художественных текстов, очень широко использует разнообразные средства выражения модальных значений. С помощью форм глаголов изъявительного наклонения, модальных словосочетаний и частиц, порядка слов и актуального членения, различных просодических средств и синтаксических конструкций, через значения возможности/невозможности, желательности/нежелательности, необходимости и долженствования, повествование выражает реальную и ирреальную модальность. Субъективная модальность в данном функционально-смысловом типе речи выражается с помощью специфического субъективно-модального плана, отражающего отношение говорящего к обозначаемой ситуации, а также с помощью разнообразных аффиксов глаголов, модальных словосочетаний и частиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения XI-XIII / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1984, С. 173-186.
2. Курилович Е. О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. Вып. 4. М., 1965.

3. *Степанов Ю.С.* Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974. С. 15.
4. Русская грамматика: В 2 т. Т.2. Синтаксис. М., 1980 (§ 2190-2230).
5. *Дамбуева П.П.* Категория модальности в современном бурятском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2001. С. 297, 300.
6. *Нечаева О.А.* Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типов речи. Улан-Удэ, 1999. С. 33, 84.
7. *Сян-Белгин Хаср.* Улан хотн. Келврмуд болн тодлврмуд. Элст, 1978, 174 с.
8. *Амоголонов Д.Д.* Современный бурятский язык: Учебник для высш. учебн. заведений. Улан-Удэ, 1958. С. 216.

Научная мысль Кавказа. Северо-Кавказский научный центр высшей школы.
Спецвыпуск 2005.